

Wazamonogatari

Спящая Цубаса

Когда-то я самоотверженно бросала все силы без остатка на то, чтобы спасти Арараги Коёми, своего одноклассника, — с этим связан целый период моей жизни, сопряжённый с разного рода сложностями: я чуть ли не целую вечность колесила по свету в поисках одного человека, но и это оказалось ещё далеко не самым трудным испытанием на моём пути.

Нет, установить, где находился этот самый человек, тоже, конечно, было отнюдь не просто, однако я успокаивала себя мыслями, что иду на всё это ради Арараги-куна, потому не падала духом. Хотя не стоит кривить душой: дело было, признаться, не только в Арараги-куне, но и отчасти в желании утереть нос Осино Оги, моей кохай, впрочем, не так уж и важно, что мною двигало...

Не так важно, потому что в конце концов, после долгого пути, я добралась до финиша.

Дошла до него.

Мне стоило больших трудов найти Осино-сана... Осино Меме-сана, этого технократа в области нечистой силы, специалиста по сверхъестественным явлениям.

Я, по наивности своей, думала, что всё: цель достигнута, но самое тяжёлое было только впереди.

Определяющий момент настал уже после того, как я прибыла на место.

Потому что моё путешествие не оканчивалось нахождением Осино-сана: главным мотивом, основной целью было привезти его назад, в Японию, или, если точнее, уговорить спасти Арараги-куна.

Однако просить его, ясное дело, было бесполезно.

— Я не могу его спасти. Человек спасает себя сам, Староста... — ответил Осино-сан, оставшись верным своему неизменному принципу, несмотря на то, что я проделала такой длинный путь ради этой просьбы.

Он был непреклонен...

И последователен в своих убеждениях.

— Хах-ха-а! Вижу, ты очень хочешь спасти его, но я вовсе не обязан тебе помогать. Благодарю, что просветила, в какую передрыгу попал мой дорогой Арараги-кун, но, если ты и правда желаешь ему спасения, тогда он должен спасти себя своими же силами.

— Своими силами... Но как же... — дрожала я от досады и не могла поверить, что всё оказалось напрасно.

Хотя чего ещё можно было ожидать от Осино-сана: если вспомнить, и на весенних каникулах, и на Золотой неделе — он всегда придерживался одной и той же линии поведения. Это не

значит, что у него напрочь отсутствуют жалость или сострадание, просто его чувства едва ли могут перерасти в действие.

Он не столько холоден, сколько строг.

И больше к себе, нежели к окружающим.

По всей видимости, Осино-сан убеждён, что специалист должен подходить к проблеме с холодным умом и что поддаваться эмоциям — огромный риск. В этой связи он похож на Кайки-сана, — это бесспорно, и не важно, согласились бы они со мной или нет (скорее всего, последнее).

А вот Кагэнуи-сан, насколько я слышала, полная противоположность им обоим. Так что вряд ли Осино-сан и Кайки-сан ведут себя так по указке Гаэн-сан, главы специалистов, — вон какие они все разные бывают.

«Если б я только заранее знала, что Осино-сан мне откажет, то лучше бы попытала удачу с запасным вариантом и обратилась к Кагэнуи-сан», — корила я себя, понуро свесив плечи.

Нет, Осино-сан не был виноват: это всё я.

Бремя вины полностью лежало на мне.

Ведь я без зазрения совести считала решённым, что Осино-сан безусловно придёт на помощь, стоит только мне объяснить, в какой опасности находится Арараги-кун: что он тесно сблизился с Осино Оги, что они нашли общий язык и идут теперь рука об руку.

Я бессовестно загадала наперёд.

Совершив не просто кругосветное путешествие, а обшарив чуть ли не каждый закоулок на планете, чтобы найти Осино-сана, я, отыскав его наконец, была уверена, что мои усилия вознаградятся... Я прошла через такие тяготы и лишения, такой кровью добралась до него, а ему — хоть бы что! Всё напрасно!

— Арараги-кун может спастись из этой передраги только своими силами. И я что-то сомневаюсь: желает ли он вообще спасения? Кажется, ему скорее хочется наказать самого себя.

— ...Наказать себя?

— Я говорю не о телесном наказании, а духовном. Да уж, Арараги-кун себе не изменяет: всё такой же любитель рефлексии, самокритики... Я предвидел, во что всё это выльется. Уверен: мы сослужим ему плохую услугу, если бросимся спасать. Но знаешь что, Староста? — спросил Осино-сан и тут же продолжил: — Все тяготы и лишения, которые тебе пришлось вытерпеть, все принесённые тобой кровные жертвы вовсе не были напрасными. Я ведь специалист, а в мои обязанности, если говорить конкретно, как раз входит коллекционирование историй о странностях. Может, ты не в курсе, но именно по этой причине я не сижу на одном месте и, что называется, путешествую, чтобы слушать истории

других людей... Ну так что, не расскажешь мне свою историю, а, Староста? Что с тобой приключилось, пока ты искала меня?

— ...

— Помнишь ту кошмарную Золотую неделю? А ведь тот ужас устроила не кто иная, как ты, поэтому не сомневаюсь, что твоё путешествие выдалось на редкость интересным. Ты добралась досюда, — это уже настоящий подвиг, достойный увековечивания, но тебе же наверняка пришлось испытать на своей шкуре что-то ещё, я прав? Что-нибудь странное и необъяснимое? А то я мог бы взять такую историю в качестве платы за работу: она быполнила мою коллекцию. Я человек взыскательный в этом плане, но попробуй: вдруг мне понравится и я соглашусь спасти Арараги-куна?

...Питаюсь слабой надеждой, я рассказала ему свою историю.

Чтобы спасти Арараги-куна... Чтобы победить Оги-тян...

Чтобы заручиться помощью Осино-сана... Чтобы вернуть его в Японию...

Рассказала о том, что со мной приключилось.

Какие земли изборозила, какие моря проплыла.

Я отправилась в это путешествие, чтобы найти Осино-сана, чтобы найти саму себя, а также, наверное, чтобы забыть Арараги-куна.

Всё началось с того, что я угодила в темницу одного средневекового немецкого замка.

— «В темницу одного средневекового немецкого замка»? Ну-ну, что за сказки ты мне тут принялась рассказывать, а, Староста?

— Слушайте молча и внимательно, пожалуйста. Если пропустите, то дальше будет непонятно.

Разобравшись с проблемой Ойкуры-сан, следом я впервые улетела за границу, в Германию, — там-то со мной и приключилась эта история. Между прочим, в то же самое время в Японии змея овладела Сэнгоку-тян, и теперь я думаю, что, наверное, зря так спешила уехать.

Вряд ли именно мой отъезд спровоцировал такое резкое развитие событий...

Но я уверена, что Оги-тян специально поджидала удобный момент, когда меня не окажется рядом, чтобы повернуть свои грязные делишки и, более того, подмять под себя наш город, — так будет даже правильнее выразиться.

— О, как грубо! Смотрю, ты явно не в восторге от этой «Оги-тян». Я, конечно, не знаю всех подробностей, но это очень на тебя не похоже, чтобы ты так нелестно отзывалась о другом человеке.

— Она многим успела насолить, в том числе и мне.

— Хм-м. А это, случаем, не связано с цветом твоих волос, а то у тебя вон чёрно-белый окрас как у белого тигра?

— Давайте об этом как-нибудь в следующий раз. Сейчас я хочу рассказать вам совершенно другую историю.

Впрочем, сомневаюсь, что я смогла бы защитить Арараги-куна, даже если бы осталась тогда в Японии.

Не думаю, что ситуацию можно было бы разрешить как-то иначе, не развенчав существование Оги-тян, а точнее, не доказав её несуществование. Я была уверена, что единственный способ сделать это — найти Осино-сана.

Была уверена... Нет, по совести сказать, не была.

Тогда я ещё подвергала сомнению каждое своё решение. Что бы я ни затеяла, мне было не на кого положиться, не с кем поверить свои мысли. Когда-то давно я сваливала тревоги на второе «я», но теперь больше не могла так делать.

Вернее, могла больше так не делать.

Моё второе «я».

Моё животное «я», — так, наверное, прозвучит лучше... В общем, несмотря на все сомнения, я чувствовала себя в долгу перед Арааги-куном, и это чувство придало мне решимости.

Он говорит, что обязан мне, но на самом деле это я обязана ему за всё. Поэтому нужно было во что бы то ни стало вернуть Осино-сана в Японию, чтобы отплатить Арааги-куну за доброту.

— Ха, во что бы то ни стало! Что ж, если твоя история окажется достаточно ценной, я тогда возьму её в качестве платы за работу и, естественно, пойду за тобой.

— Это я уже поняла, — не перебивайте только, будьте добры?

— У-у, боюсь, боюсь! Не сердись на меня, Староста. Вижу, ты в бодром настроении: случилось что-то хорошее?

Собственно говоря, в Германию я приехала не наудачу, а по наводке: якобы один из так называемых специалистов отправился туда из Японии по работе.

Не было никаких оснований предполагать, что этим специалистом являлся именно Осино-сан, к тому же источник наводки тоже не вызывал особого доверия, но за неимением другой информации, на которую можно было бы положиться, мне пришлось проверять на достоверность эту.

— Хах-ха-а! Выходит, недостоверная наводка-то! Я никогда не бывал в Германии. Да и во многих других странах тоже.

— Спасибо, я уже в курсе. Вы хоть представляете, сколько мест я объездила впустую, лихорадочно пытаюсь вас отыскать?

— Не расстраивайся: твои напрасные похождения могут оказаться не такими уж и напрасными, если только история о них, конечно, будет интересной, чтоб оплатить мою работу.

— Слушайте дальше.

Итак, я угодила в темницу средневекового замка.

Пол, стены, потолок — в той камере всё было выложено камнем.

Путь к свободе преграждала железная решётка; я старалась её расшатать, но прутья сидели прочно. Дверь в решётке хоть и закрывалась на обычный засов, но казалось, что даже эта конструкция, несмотря на свою примитивность, не поддавалась бы на какое-нибудь всеоткрывающее «сим-сим, откройся!».

Сбежать из той камеры было нереально, как бы я ни ломала над этим голову, — идеальная тюрьма...

В то же время меня беспокоили и другие, более насущные проблемы, нежели надёжность камеры, явно не игравшая мне на руку: на той маленькой площади размером примерно в 8 татами¹ не было ни ванны, ни унитаза — никаких санитарно-гигиенических приспособлений.

Разумеется, я понимала, что бессмысленно ждать гостеприимства от тех, кто сажает тебя в темницу, и надеяться на обстановку тюремной камеры... Также замечу, что прутья в решётке стояли частоколом: между ними даже не просунешь никакой еды.

Ни кровати, ни футаона, естественно, тоже не имелось.

Короче говоря, та камера *не была благоустроена для жизни человека* — что же это могло означать?

Я не хотела думать об этом, но ответ оказался настолько очевидным, что мне и не пришлось.

Всё просто: *они* не собирались оставлять меня в темнице надолго.

— «*Они*»? Кто это «*они*»?

— Хайвэйст и Лоурайз — я расскажу об этих двоих чуть позже, а пока вот что...

Всё это время я говорила только о себе...

Но в той камере вместе со мной сидел кое-кто ещё.

«Если думаешь сбежать отсюда, то даже не надейся: невозможно. Брось эту затею и смирись уже со своей участью, девушка, — обратился ко мне другой узник, наверное устав молча наблюдать за тем, как я суежилась по камере, обследуя каждый её сантиметр. — Нас ждёт неминуемая смерть, — это было предreshено, ещё когда нас только-только схватили. Осталось лишь отдаться на волю тех двоих». — «О да, это так мужественно!» — съязвила я ему.

Тем не менее, несмотря на траурные речи, он держался с видимым достоинством и спокойно сидел на полу, прислонившись к стене, одну ногу поджав под себя, а другую согнув в колене, в то время как я, оказавшись запертой в тесной камере, места себе не находила и металась из одного угла в другой.

Просто я не собиралась, как он, расслабляться, смиряться и покорно ожидать своего конца, который должен был наступить уже совсем скоро.

Ни за что!

Не знаю, как бы я повела себя в подобной ситуации, случись она ещё на весенних каникулах, а в тот момент мною двигало чувство невыполненного долга, поэтому я не имела никакого желания послушно следовать совету сокамерника.

«Кстати, вы точно так же мужественно сдались, когда сражались с Арараги-куном... Помните, Драматург?» — продолжала я подкалывать его (ну никак не могла промолчать!), на

что тот специалист по истреблению вампиров согласился, кивнув с серьёзным лицом: «Да, помню».

Примечания

1. Около 12,8 кв. м.

— Драматург? Ого, ну надо же! Сто лет о нём ничего не слышал! Это же тот самый, который в компании двух других специалистов чуть не убил Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд?

— Да, тот самый, Осино-сан. Во время весенних каникул вы ещё ходили к нему договариваться насчёт Арараги-куна.

— Хм-хм-м. Понятненько. В таком случае ты должна была испытывать к нему жгучую неприязнь, я угадал? И это вполне естественно: он же был одним из тех, кто охотился на бедного Арараги-куна... Хотя в том не было ничего личного — просто работа: Драматург такой же специалист, как и я.

— Да, вы правы. Я понимаю, что неправильно обвинять его во всех грехах. Я это прекрасно понимаю.

— Хах-ха-а! Смотрю, ты стала куда человечнее, — согласна со мной, Староста? Тебе это, пожалуй, к лицу. Ну так что же выходит: специалистом, который приехал из Японии в Германию, оказался Драматург?

— Именно.

Добытая мной информация, как я убедилась позже, была отчасти ошибочной; я изъездила много мест, прежде чем нашла нужное, однако там мне встретился не тот, кого я ожидала увидеть, а какой-то иностранец, причём такой гигант, что при взгляде на него снизу вверх казалось, будто он упирался головой в самое небо!

Это был мужчина геркулесовского телосложения (с огромными, выпячивающимися мускулами) и ростом свыше двух метров. Приглядевшись поближе, я вспомнила его.

На весенних каникулах...

Я стала невольным свидетелем их схватки с Арараги-куном на дворе старшей школы Наоэцу. В тот раз я, пожалуй, впервые увидела, как Арараги-кун развлекается своими *вампирскими способностями* в бою.

Тогда я впервые...

Столкнулась с так называемыми странностями.

С того момента всё и началось.

Так что я отчётливо его запомнила.

Запомнила Драматурга, этого специалиста по истреблению вампиров, — запомнила, как он тогда яростно орудовал двумя своими фламбергами¹, пытаясь «истребить» Арараги-куна, как вцепился с ним в смертельной схватке.

— Ну, вообще-то Драматург не пытался убить Арааги-куна, хоть тот и стал уже тогда вампиром после того, как Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд выпила его кровь. Всё-таки мы с Драматургом договорились на том основании, что убийство Арааги-куна будет считаться нарушением правил.

— Так и есть, но в ту пору я-то об этом не знала.

— Хах-ха-а! «Я знаю не всё...» — да?

— Верно... Только то, что знаю. И кстати о незнании: Драматург, само собой разумеется, меня не знал. До этого мы с ним ни разу не пересекались лично, в отличие от двух других охотников на вампиров, Эпизода и Палача.

Поэтому Драматург глядел на меня с недюжинным подозрением, когда я пришла к нему по ошибке. Его глаза смотрели недоверчиво, но не так, как смотрит взрослый человек на подошедшего к нему ребёнка, который обознался.

Он искал подвоха, потому что я застала его как раз за работой.

— За работой... А зная работу Драматурга...

— Вы правы: он охотился на вампиров, для чего и приехал в Германию. Я встретила с ним в тот момент, когда он исследовал местность, чтобы понять, как проникнуть на вражескую территорию.

Не знаю, где и когда, но всё, как видно, пошло наперекосяк. Я могла смириться со своей ошибкой, согласиться, что неправильно что-то поняла, но лучше бы та наводка, честно говоря, оказалась и вовсе пустышкой, нежели полуправдой.

Кто бы мог подумать, что во время поисков Осино-сана я наткнусь на Драматурга? Найду специалиста, который может убить Арааги-куна, хотя отправлялась искать того, кто спасёт его?

По-моему, хуже быть уже просто не могло.

Хотя можно было не бояться, что Драматург захочет реванш: и Гаэн Идзуко-сан, и Эпизод рассказывали, что Арааги-кун и Синобу-тян — бывшая Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд — признаны безобидными...

— Я бы не спешил с выводами. Если беда реально настолько серьёзная, как ты её описываешь, то я не знаю, сколько ещё продержится «безобидный статус».

— Ну вот, вы же сами осознаёте всю опасность его положения! Пожалуйста, поедemте со мной в Японию! С истoрией разобраться можно и потом, по возвращении домой. А то у меня уже глаза слипаются после бессонной ночи.

— Ничего, потерпи. Думай, что рассказываешь сказку на ночь, только наоборот, чтоб не заснуть. Продолжай — я пока послушаю. Ты, в oбщем, нашла Драматурга, пусть и по ошибке, а как в замке-то оказалась узницей?

— А-а, ну... Дело было так...

«Японка... Хм. Узнаю эту одежду: знакомый пошив. Девчушка, а ты, случаем, не приятельница того раба Хартандерблейд?» — разобрался Драматург, бегло осмотрев меня с головы до ног.

Да уж, не зря его называют профессионалом.

— Погоди-ка, Староста. Только не говори, что ты полетела в Германию в форме старшей школы Наоэцу!

— Э-э, ну да? Я и сейчас в своей форме, — под пальто не видно... А что такого?

— Да ничего... Просто Драматург обо всём догадался не потому, что профессионал... Ну да ладно! Давай дальше. Он спросил, не знакомы ли вы с Арараги-куном, а ты ему что?

Ну конечно я ответила ему, что мы друзья.

Потому что это и в самом деле так.

Драматург лишь слегка кивнул и бросил короткое «а, ясно».

В его манере держать себя не было той утончённости и изыска, которыми иные прикрывают свои внутренние переживания от посторонних глаз, однако ни грубый взгляд, ни деревянные движения точно так же не позволяли угадать, что лежит у него на душе или какие мысли бродят в голове. Я всё хотела уловить по его позе, по выражению лица, что он думает об Арараги Коёми, о своей неудачной попытке уничтожить этого вампира? — и не могла. Это сейчас я понимаю, что рассчитывать на поведение Драматурга — мол, он не совладеет с впечатлением, выдаст всё, что творилось у него в уме и на сердце, — было бессмысленно, а тогда я растерялась, не сумев попытаться до истины.

Оставалось лишь надеяться на лучшее, что Драматург не держит никакой затаённой обиды к Арараги-куну, которую тот и вовсе не заслужил. Но я понимала, что ситуация и так непростая, поэтому не хотела давить на Драматурга и беречь старые раны.

— Ну, всё-таки Драматург, как специалист, относится к делу, которому себя посвятил, как к простой работе... Может, неудачная охота на Арараги-куна и Синобу-тян, то есть Хартандерблейд, и в самом деле терзала его изнутри, но виду он, по крайней мере, не показывал, верно, Староста?

— Верно... По-моему, он признаёт свои ошибки и оценивает их трезво, как неотъемлемую часть работы.

— Да-да. Вот почему договариваться с Драматургом было гораздо проще, чем с остальными охотниками, одним из которых двигали личные чувства: ненависть, презрение к вампирам, а другой упёрся в своё предназначение, божественную миссию истреблять нечисть.

Так и есть.

Я могла спокойно уйти от Драматурга — он бы не стал меня преследовать — и лучше бы так и сделала, когда поняла, что обозналась. Если бы я только поступила по-умному, то не оказалась бы потом в темнице средневекового замка.

Но я допустила ошибку, последствия которой невозможно было предугадать заранее. Во мне упрочилось чувство, что дорожные расходы, драгоценное время и приложенные усилия — всё это должно послужить какой-то цели, принести свои плоды, а не пропасть даром.

Я не находила в себе сил свыкнуться с убыточным предприятием.

Меня мучили вопросы: неужели встреча с Драматургом ничего не даст? должна же я хоть чего-то от него добиться? пусть он и не Осино-сан, но тоже ведь специалист?

Однако обольщаться, что Драматург защитит Арараги-куна от Оги-тян, было бы слишком оптимистично; не знаю, таилась ли в нём обида на Арараги-куна, а всё-таки Драматург был специалистом по истреблению вампиров, поэтому я даже не стала выведывать, не согласится ли он, часом, на эту авантюру?

Может быть, прежняя я и осмелилась бы сделать такое предложение, но к моменту нашей встречи с Драматургом лицом к лицу я была уже другим человеком: мне не хватало силы духа умолять того, кто, пусть и только по работе, пытался убить Арараги-куна.

Наконец-то моему характеру стало чего-то не хватать, — это, можно сказать, достижение! Как бы то ни было, я всё же решилась разузнать у Драматурга — нет, не пойдёт ли он со мной, а нет ли у него каких-либо зацепок, где искать Осино-сана?

Драматург хоть и не принадлежал к группе под управлением Гаэн Идзуко-сан, но, по рассказам Арараги-куна, входил в какую-то *организацию*, а там наверняка должна быть своя сеть специалистов.

И между ними, надо полагать, происходит какой-то обмен информацией.

Я подумала, может, он и впрямь знает, куда отправился Осино-сан: они же переговаривались с ним во время весенних каникул.

Даже найдя не того человека, я пыталась выудить из него какие-то новые зацепки, — с таким подходом я выглядела как настоящая конъюнктурщица.

— Я бы не был так категоричен. Ты действовала скорее исходя из логики — которой, к слову, нельзя не восхититься, — а не из беспринципности. Кстати, не потому ли ты сумела сюда добраться, что Драматург дал тебе зацепку?

— Ну, если учесть, что в конце концов я оказалась здесь, то можно сказать и так, но мне всё равно пришлось дать большой крюк... Я как собачонка гонялась по всему свету за любым упоминанием о каждой странности. Как же это было глупо! Ну да ладно, об этом тоже как-нибудь в другой раз...

Драматург, как оказалось, на самом деле знал, где может находиться Осино-сан... Вернее, не сам Драматург, а кто-то из его организации. «Я могу спросить у своих, — наверняка кто-нибудь что-нибудь да знает», — неохотно и быстро пробубнил он.

Стало быть, эта сфера, в которой крутятся специалисты, не такая уж и обширная, раз все о всех могут знать?

«Помочь-то не проблема, но...» — начал Драматург и замялся.

Он заговорил со мной вовсе не по доброте душевной, не потому, что проникся участием к путешественнице, приехавшей из далёкой страны, а в надежде как можно скорее отбрехаться от назойливого человека, мешающего работать.

Предыдущая наводка привела меня в никуда, и если Драматург мог дать новое направление, то я была готова на любое условие.

«Я в разведке, так что, к несчастью, не могу сейчас связаться со своими, — пояснил он, — но если ты хочешь подождать, когда я закончу с работой, то скоротай пока где-нибудь время, попей пивка, закуси колбаской... А, или тебе ещё нельзя?»

Нельзя, причём не только пить пиво, но и ждать.

У меня не оставалось времени.

Каждая минута была на счету!

Кто его знал, в какие неприятности попадёт Арараги-кун там, в Японии, продолжая водиться с Осино Оги, пока я торчала бог знает где?

— И во что же он в итоге вляпался?

— Его раз за разом, раз за разом, раз за разом убивала Сэнгоку-тян.

— Хах-ха-а! Да уж, при таком раскладе каждая секунда дорога!

Ответ Драматурга меня разочаровал, но я всё равно спросила: «И сколько примерно ждать, пока вы закончите со своей работой?» — «Да недолго, — ответил он. — Самое большее — лет пять, а вообще, я планировал управиться годика за три».

Да разве я могу столько ждать?!

Так и юность пройдёт — не веротишь!

Будь на моём месте Арараги-кун, он бы сострил что-нибудь этакое и весь диалог с Драматургом превратился бы в нечто смешное и увлекательное, но мне тогда было не до шуток: дело принимало серьёзный оборот. Взрослый человек может спокойно потратить три-пять лет своей жизни, вкладывая их в свой проект, в свою работу, но просить школьника подождать столько времени, — это надо рассчитывать на колоссальное терпение.

Должно быть, охотники на вампиров целые месяцы, даже годы, поджидали удобного момента, прежде чем попытаться уничтожить Синобу-тян, когда она ещё была Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

...А Арагаи-кун взял и разбил все их планы за какие-то две недели, — он гораздо круче, чем сам о себе думает.

— Скажи-ка, Староста, а на каком языке вы общались с Драматургом?

— Он вроде бы понимает японский, но в его принципах разговаривать на языке той страны, где он в данный момент работает... Так что я говорила с ним на ломаном немецком.

— Здорово, что ты вообще умеешь общаться по-немецки, и плевать, что не идеально. Ну ты даёшь вообще — я поражён! И что же случилось потом? Ты сказала, что у тебя нет времени ждать, пока Драматург закончит работу, но не могла же ты его как-то принудить, чтоб он поступился ей?

— Верно, я никак не могла помешать его работе... поэтому решила поступить иначе.

— Иначе?

— Да... Не мешать, а помочь.

Хотя даже не знала тогда, стоит ли вообще соваться не в своё дело.

Примечания

1. Клинок волнистой (пламевидной) формы.

«Хайвэйст и Лоурайз, — принялся равнодушно объяснять Драматург, когда я уселась поудобнее за столиком. — В последнее время эти два вампира усиленно терроризируют округу. Ни один из них не раб другому: они близнецы, — явление довольно уникальное». — «Вампиры-близнецы... И что в этом особенного?» — всё-таки вампиры сами по себе уже редкость, так что мне трудно было удивиться ещё сильнее.

Драматург нахмурился и не стал отвечать. Он уступил и согласился работать вместе, но располагать к себе, как видно, не собирался.

— Вампиры-близнецы и впрямь уникальное явление.

— Ну, я уже поняла.

— Таких принято относить к редким видам. Кисшот Ацеролаорион Хартандерблейд тоже, представь себе, была редкой особью. Похоже, Драматург настолько крутой специалист, что его частенько назначают убирать всяких вампиров-мутантов.

— Кого?.. Мутантов?

— Или же другие просто спихивают на него всю трудную работу, потому что сами не хотят париться. В любом случае он мужчина добросовестный — дело своё делает исправно, — поэтому и притягивает к себе такие безумные назначения, прямо как ты притягиваешь к себе парней вроде Арараги-куна.

— Я бы попросила вас, Осино-сан... К тому же это скорее меня притянуло к нему, а не наоборот.

— И всё же. Я понимаю, что ты знаешь кое-что о вампирах, но это всё равно капля в море по сравнению со знаниями Драматурга, и тут этот большой профессионал, знаток своего дела, охотно уступает и соглашается работать вместе с тобой, — какое неожиданное развитие событий!

— Так уж прям и охотно... Я преследовала свою корыстную цель от нашего сотрудничества, а Драматург, по всей видимости, свою.

— Да-а? Каждый — свою? Как интересно! Давай дальше!

Драматург не стал отвечать на мой вопрос и продолжил: «Так вот, они терроризируют округу, однако угроза эта возникла не внезапно. Хайвэйст и Лоурайз обитают здесь давно, но мне сказали, что настолько активно они никогда себя не вели, — эти двое доигрались до того, что мы, специалисты по истреблению вампиров, больше не можем закрывать глаза на их деяния». — «Иными словами, с них сняли метку „признаны безобидными“?» — поинтересовалась я. «Близнецов никогда не считали безобидными, — пояснил специалист. — Вообще, таковыми признаны лишь нынешняя Хартандерблейд и её раб, — мы пошли на исключительный шаг только для них».

Я продолжала вглядываться в Драматурга, изучать это строгое выражение лица, но непроницаемая мимика не давала возможности прочесть его душевные волнения; лишь на какой-то миг, когда он упомянул про Арараги-куна, в его взгляде промелькнула лёгкая горечь, видимо пробуждённая если не затаённой обидой, то просто нежеланием касаться этой темы.

— Ну да, исключение. Я попросил Гаэн-сан похлопотать, и ей с большим трудом удалось пробить эту идею... Хотя признание странности безобидной остановит не каждого специалиста.

— ?

— Это я по работе — не обращаю внимания.

«Скажем так, близнецы уже и без того находились на испытательном сроке... — равнодушно продолжал Драматург. — Возможно, у тебя успело сложиться ошибочное мнение о нашей организации, но мы не проповедуем идею полного уничтожения всех вампиров без разбора. Эпизод и Палач всегда были себе на уме, но остальные, во всяком случае, не желают истребить вампиров как вид. Мы считаем важным регулировать их численность и поведение, чтоб они не представляли никому угрозы».

...Что-то мне это напомнило регулирование популяций диких животных и охрану природы человеком. Я удивилась, какой у этих специалистов, оказывается, реалистический подход к проблеме!

Или не реалистический, а, лучше сказать, современный... И поведение тех вампиров-близнецов, Хайвэйста и Лоурайза, насколько я поняла, не укладывалось в эти самые современные представления о нормах, правилах и запретах.

«Если хищный зверь однажды попробовал человечины, то он подлежит уничтожению, под какой бы защитой ни находился, иначе животное продолжит нападать на людей, — тут то же самое... Я попытался объяснить так, чтоб тебе, японке, было понятнее». — «Да... Я понимаю, что вы хотите сказать», — его аналогия оказалась проста и доходчива, но вместе с тем Драматург поднял очень деликатный вопрос: мне было сложно разделить озвученную точку зрения. Я глядела на его кислую физиономию и не могла отделаться от ощущения, что с этим куксившимся гигантом — даже если он куксился не из-за Арараги-куна — будет тяжело найти общий язык, хотя чувствовалось, что Драматург вроде как не против пойти мне навстречу, после того как я напросилась работать с ним вместе.

Правда, умолчу пока, чем обернулась для меня его уступка.

— Ай-яй-яй. Как же это ты не поняла Драматурга — он бы не смог бросить свою помощницу, когда обстоятельства того бы потребовали, если б тесно сдружился с ней.

— Возможно, вы правы, но не надо разговаривать со мной как с маленькой. Я думаю, ему бы не составило труда бросить меня где-нибудь, если б он только захотел.

«Но чем же именно провинились эти вампиры-близнецы?» — спросила я Драматурга, ожидая услышать в ответ что-нибудь омерзительное, судя по тому, на что тот намекал, однако я не могла этого не спросить, раз собралась помогать на них охотиться.

Всё-таки, узнав поближе Арараги-куна и его «компаньонку», Синобу-тян, я бы поступилась своей совестью, если б одобрила уничтожение вампиров просто потому, что они вампиры.

А никакое мерило добра и зла, никакие плюсы и минусы не должны играть здесь роли.

— Осино-сан, вы ведь тоже считаете, что не все странности поголовно подлежат уничтожению?

— М-м, ну да. Хотя вот люди вроде Кагэнуи-тян придерживаются чуть ли не противоположного мнения.

— Правда?.. А, что, простите? «Кагэнуи-тян»? Вы с ней так близки?

...Трудно сказать, из уважения ли к моим принципам или по какой-то иной причине Драматург в общих чертах изложил мне всплывшие совсем недавно злодеяния, в которых обвиняют Хайвэйста и Лоурайза, но он однозначно не мог надеяться на сотрудничество с моей стороны, если бы не предоставил доказательства их преступлений.

— Надеяться на сотрудничество? Не думаю, что Драматург возлагал все свои надежды на внезапно объявившуюся перед ним незнакомую девушку... По-моему, он просто использовал любые подручные средства, в том числе и первую встречную, тебе так не кажется?

— Разумеется, но даже первой встречной нужно сперва объяснить, в чём дело, прежде чем использовать её в своих интересах... Дальше внимательнее, пожалуйста.

— Хорошо, хорошо.

Рассказ Драматурга напоминал какую-то городскую легенду... В принципе, сходство со страшилкой не удивляло: речь там велась о вампирах.

В народе пошли слухи...

Что путешественники пропадают один за другим.

И действительно: в Германии существенно участились случаи бесследного исчезновения иностранных туристов подросткового возраста.

Возможно, жертв на самом деле было гораздо больше, если учесть, что не по каждому случаю возбуждали уголовное дело. И хотя все пропавшие тогда без вести подростки были туристами — приезжими, другим словом, — а на момент нашего с Драматургом разговора эти инциденты широко освещались лишь местными СМИ, но не трудно представить, какой большой скандал разгорелся бы на международной арене, если бы кто-то собрал и обнародовал статистику по этим исчезновениям.

«Все туристы пропадали без вести в разных местах и при различных обстоятельствах; полиция, видимо, пока не считает, что за этим стоит один и тот же преступник... Мы держали Хайвэйста и Лоурайза под постоянным наблюдением и знаем, на что они способны, поэтому всем заочно ясно как день, кто стоит за инцидентами. Близнецы вконец распоясались, — мрачно проговорил Драматург. — Предположительно, они утащили всех исчезнувших бесследно туристов в своё тайное убежище, но где оно находится — неизвестно. Боюсь, надеяться, что люди до сих пор живы, бессмысленно».

Я не нашлась, что сказать.

Потому что Драматург был прав.

Вампир не станет похищать человека просто так, без цели. И я не думаю, чтобы он мог устроить похищение с целью выкупа.

Всё-таки люди представляют для вампиров иную ценность... Какую, спросите вы? Ответ до ужаса прост: мы для них соседнее звено в этой ужасающей пищевой цепочке.

А именно... пища.

Еда.

Вампиры пьют нашу кровь, едят нашу плоть.

Обсасывают косточки, вылизывают мозги.

— Хах-ха-а! От твоих слов прямо сквозит неприязню, Староста!

— Ну так... я не могу это принять, оттого и испытываю отвращение.

— Но ты же понимаешь, зачем вампиры похищают людей? Это их способ обеспечить себе питание или удовлетворить потребность в размножении. Иначе они умрут с голода или не смогут продолжить свой род. Вот я, пожалуй, и посвятил тебя в тайну.

— Да, понимаю. Вампир, безусловно, мало чем отличается по своей сути от, скажем, медведя, который видит заблудившегося в горах человека таким же кормом. Просто...

— Просто что?

— Ничего важного, поговорим об этом потом.

— Неужели? Такая скрытность наводит на кое-какие мысли... Впрочем, тебя слушать гораздо легче, чем Арааги-куна, — тот вечно отклоняется от темы и тратит время на пустую болтовню.

— Что-то мне кажется, Арааги-кун тоже не смог бы разговаривать с Драматургом... Хотя кто знает?

— Ну да ладно, давай дальше.

«Стало быть, близнецы нарушили все правила поведения, наложенные на вампиров. Они, конечно, умрут, если не будут есть, но такой неумеренный аппетит ничем не оправдан», — Драматург вернулся к своему равнодушному тону.

То ли он усилием воли подавлял эмоции, то ли эта «проблема питания» и вовсе его не трогала, — трудно сказать однозначно.

«Судя по тому, — продолжал он, — что жертвами стали только иностранные туристы, близнецы, вероятно, пытались скрыть от нас свои преступления... но эта „маскировка“, конечно, никого не обманывает. Из чего следует, что они не смогли придумать ничего лучше, кроме как вообще не маскироваться. От близнецов надо избавиться прежде, чем они совершат новые преступления, — это, можно сказать, ради их же блага». — «Ради их же... блага?» — переспросила я.

Можно сколько угодно оправдывать убийство своих сородичей частью работы, но его последние слова — чистой же воды лицемерие, разве нет?

Драматург, видимо заметив, какие чувства отразились у меня на лице, ответил: «Ну, во всяком случае, не ради людей уж точно».

— Вот ты обмолвилась о «проблеме питания», о, так сказать, неконтролируемом потреблении, — у меня тут, к слову, за последнее время была масса возможностей полакомиться свежайшей рыбкой.

— Не удивительно... В этих местах её должно быть много.

— Хорошо, говорят, тому, кто в своём доме, а дом этот может быть где и чем угодно. Как по мне, так жить даже лучше, чем в каменных джунглях... Но знаешь: каждый раз, когда я ем рыбу и взгляд падает на её голову, мне приходит одна и та же мысль: «Чёрт возьми, да у неё морда как у трупа!»

— Фу, зачем вы так внимательно рассматриваете морды у рыб?.. Кстати, вспомнилось одно выражение: глаза как у дохлой рыбы, — так вроде бы говорят про людей?¹

— Про людей много чего говорят, но я хотел открыть тебе глаза на главное: человек живёт за счёт того, что пожирает других живых существ, и рыба, пожалуй, помогает нам осознать это как нельзя лучше... Но что-то мы заболтались с тобой обо всяких пустяках. А я-то, между прочим, догадался, о каких корыстных целях ты говорила.

— Догадались?

— Да. Я всё думал: почему Драматург, этот большой профессионал и специалист, согласился работать вместе с какой-то первой встречной? — и находил это странным, но потом всё-таки понял, какие мотивы им двигали. А он у нас, оказывается, не гнушается поступать грязно... Правда, и ты тоже не промах, Староста: взялась за дело, хотя отчасти предвидела, чем всё это кончится.

— ...

Юные путешественники из разных стран исчезали бесследно.

Пропадали без вести... Не возвращались домой.

Уличные сплетни, пустые толки, городские легенды.

Земля наполнилась слухами, что за всем этим стоят вампиры, — этакая вишенка на торте, красиво дополняющая страшилку. Но как бы реально или нереально это ни выглядело, а я подходила по всем параметрам.

Подросток, туристка, иностранка.

Идеальная приманка, будто по заказу.

«Не приманка, а наживка, причём в самом прямом смысле. Надо, чтоб вампиры-близнецы на тебя клюнули, — грубо и жестоко поправил меня Драматург. — Когда Хайвэйст и Лоурайз похитят тебя, я последую за ними и так вычислю их тайное убежище. Мы с тобой не служители закона, так что, по сути, не обязаны собирать какие-то доказательства, но всё, что

у нас сейчас есть, — это лишь подозрения, не более, чем домыслы. Я не исключаю возможности, что близнецов оклеветали». — «Поэтому так важно застать их на месте преступления? — спрашивала я. — Или вычислить их тайное убежище и найти там похищенных туристов?» — «Мы не найдём туристов, — категорично заявил Драматург. — Если на вампира накатил жор, он не оставит от человека не то что косточки, а даже кусочка кожи». Я смотрела на него в жутком молчании, а специалист между тем продолжал: «Ни волоска, ни ноготка — ничего не оставит. Но мне нужно, чтобы тебя похитили, потому что тогда, вычислив тайное убежище близнецов, я смогу получить какие-никакие доказательства».

Драматург не гарантировал мою безопасность.

Предупредил, что может не успеть на помощь вовремя.

Что меня, вероятно, сожрут живьём.

И спросил, не передумала ли я ему помогать?

Он задал такой вопрос не потому, что хотел убедиться в твёрдости моих намерений, а, скорее, для того, чтобы получить нечто вроде клятвы не подавать на него потом в суд, тем не менее я ответила незамедлительно: «Не передумала. Я помогу, если, конечно, вы обещаете рассказать, где находится Осино-сан». — «Ты только пойми меня правильно, — начал Драматург после короткой паузы, — я могу сделать лишь то, на что у меня есть полномочия, то есть подать запрос членам организации. Больше ничего не обещаю... Точнее, вообще ничего не обещаю. Не факт, что мы обладаем свежей информацией о местонахождении того мужчины в гавайской рубашке, более того, не факт, что мне её передадут, даже если что-то и имеется. Среди воинов организации я занимаю невысокое положение... так что имею доступ не ко всей информации». — «Меня это устраивает, — согласилась я. — Давайте уже приступим».

Как-то раз Королева Странностей, железнокровная, теплокровная, хладнокровная вампирша Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, нарекла меня «провиантом»; с тех пор прошло уже прилично времени, я даже уехала в другую страну, а мне и тут опять выпала роль еды. Однако вот что интересно...

Примечания

1. Данное выражение в японском языке означает остекленевший взгляд, то есть взгляд, не выражающий жизни, безразличный, отрешённый, пустой, как у покойника.

Я не знала, получу ли от Драматурга информацию об Осино-сане, а если получу, то насколько она окажется достоверной, поэтому рисковала по-крупному, хотя сейчас понимаю, что и Драматург тоже многое поставил на карту, положившись на меня.

Как бы идеально я ни подходила для наживки — подросток, туристка, иностранка, — причём не искусственной — естественной наживки, а такой профессионал и специалист, как Драматург, точно не захотел бы привлекать к участию в своей работе незнакомую и не имеющую никакой специальной подготовки девушку, если б у него был другой выбор.

Дело даже не в этике и не в нравственности: я виделась Драматургу слишком ненадёжным партнёром. Откуда ему было знать, не подслана ли я, случаем, самими Хайвэйстом и Лоурайзом?

Можно ли мне доверять? можно ли на меня положиться? — я вызывала ещё больше сомнений, нежели правдивость той самой страшилки.

Тем не менее Драматург согласился работать вместе и пошёл со мной на сделку, а всё потому, что, должно быть, рассудил: иного пути у него нет.

Рассудил, что воспользоваться человеком, который более-менее имеет представление о странностях, чтобы вычислить тайное убежище близнецов и решить дело ради, как он сказал, их же блага, прежде чем жертв станет ещё больше, — что воспользоваться таким человеком если уж не самая лучшая идея, то явно и не самая глупая.

Хотя Оги-тян, обнаружив, какие намерения двигали нами обоими, наверное, назвала бы нас с Драматургом, поглядывая с тонкой и зловещей улыбкой презрения, дураками.

— ...Как ни печально это признавать, но в итоге мы получили то, что заслужили: оба угодили в темницу средневекового замка.

— Мне, само собой, интересно, как именно вы там очутились, но сперва я хотел бы вот что уточнить: Хайвэйст и Лоурайз находились под постоянным наблюдением, так? И что, ни один специалист не смог установить, где их тайное убежище, что пришлось аж прибегать к ловле на живца? Какой-то бред, честно говоря.

— Вот и я поначалу недоумевала на этот счёт, но потом, когда меня уже похитили, поняла, в чём причина. Их тайное убежище тоже было своего рода странностью. В общем, Хайвэйст и Лоурайз прятались в средневековом замке... а если точнее, то в целом городе-цитадели, только в реальности этот город не существовал.

— Несуществующий город... Да-а, такого размаха от твоей истории я точно не ожидал! Теперь понятно, почему пропавших без вести туристов так и не нашли.

— И почему никто не мог обнаружить убежище... Я помню, какой эффект достигается так называемым барьером, и хотя здесь ситуация выглядит несколько иначе, нежели на весенних каникулах, но это тоже он, да?

— Если они вдвоём поддерживали город-цитадель, значит, эти вампиры сильные и довольно ценные особи. Думаю, им нарочно дали такие несолидные имена — «Хайвэйст» и «Лоурайз», — чтобы как-то сдержать их мощь; ясно, почему специалисты медлили с уничтожением близнецов... На самом деле их надеялись сохранить.

— Сохранить... То есть сделать то же самое, как тогда с Синобу-тян?

— Хах-ха-а! К слову, Синобу-тян на пике своих сил могла бы управиться не то что с городом, а с целым государством, — зуб даю! Итак, что же выходит: убежище воссоздавалось в реальности лишь тогда, когда вампиры-близнецы приводили с собой в тайное место похищенных людей? Понятненько. Н-да, специалист вроде Драматурга бессилён: его обычные подходы тут не сработают. Оставалось только пойти на хитрость: ловить на живца.

— А вы бы воспользовались другим способом, Осино-сан?

— Я же по натуре своей переговорщик; моя работа была бы стать посредником между Драматургом и вампирами-близнецами, развести их в стороны. Я бы отстаивал то же мнение, что и ты, Староста: не все странности поголовно подлежат уничтожению. Только вот добровольно становиться наживкой ради этого не рискнул бы: я не настолько герой.

— ...Это я-то герой?

— Тебе любой так скажет. Ты уже явно не та самоотверженная девушка времён весенних каникул, но на жертвенность тебя всё ещё тянет, — это производит положительное впечатление на людей. Однако и на жертву ты пошла не ради чужих интересов: у тебя были свои тайные желания, которые ты хотела исполнить любой ценой.

Да, правда.

Я рисковала по-крупному, тем не менее ввязалась в эту затею и как раз потому, что предчувствовала шансы на успех. Естественно, я сделала это ради выгоды, а иначе зачем совершать такой дикий поступок?

Если начать сравнивать, то Арааги-кун сейчас находится в куда более опасной ситуации, чем я тогда: мне, считай, вообще не досталось.

— По-моему, ты сильно преувеличиваешь... Хотя своя рубашка ближе к телу: мало ли что мы ценим выше другого.

— Пожалуй. У Драматурга, как я убедилась, тоже своеобразная система ценностей.

В итоге ни чей риск не оправдался: и я, и Драматург остались в проигрыше... Мы оба угодили в темницу — что тут ещё скажешь?

Если только «ну я же говорил, чем всё это кончится».

Не стоит так заигрывать с жизнью, иначе её можно очень легко потерять.

Видно, не надо было действовать, основываясь на вероятностях, причём составленных вследствие плохо обдуманного расчёта. Всё, конечно, относительно, но если уж рисковать, то лучше идти ва-банк: в отчаянии, ни на что не надеясь, срываться в самоубийственную атаку, как Арараги-кун, — тогда только, может быть, риск — благородное дело, такой только ценой, наверное, легче всего достаются победы.

Как бы то ни было, Драматург спланировал всю операцию — ловлю на живца, — проявив себя по характеру всё-таки как профессионал, а не авантюрист.

К его чести будет сказано, хотя теперь это может показаться выгораживанием, что не вся операция пошла наперекосяк: где-то до половины всё двигалось строго по плану.

— До половины... Полусырой план-то вышел у Драматурга, да?

— Как грубо, Осино-сан...

Хотя отчасти и правда.

Окажись план Драматурга не наполовину, а вообще сырым, то есть провалившись полностью, мы бы с ним не угодили в темницу, из которой невозможно сбежать. Как это ни странно, но если бы его стратегия не увенчалась даже полууспехом, то нам впоследствии было бы гораздо проще оклематься и придумать что-то новое.

Не даром же говорят, что после пожара хуже всего остаться с полусгоревшим домом, нежели с полностью уничтоженным: если у тебя всё пропало — легче начать заново, — я понимала это как никто другой, ведь однажды мой дом сгорел дотла, и признавала неоспоримость этой народной мудрости.

Но объясню, пожалуй, всё по порядку: та часть плана, где я играла роль приманки, завершилась успешно; наживка — сейчас это прозвучит странно — сработала безукоризненно¹: меня похитили; да, на юную путешественницу, туристку из Японии, и в самом деле клюнули.

Тёмной ночью, причём такой, что хоть глаз выколи, я беспечно прогуливалась по пустынной аллее, где не было, кроме меня, ни одной живой души, как вдруг повстречала... Хайвэйста и Лоурайза.

Повстречала двух вампиров...

Вампиров-близнецов.

— Хах-ха-а! А Арараги-кун сказал бы про себя, что прогуливался беспечно и без печали: легко и весело, словно ничто не предвещало беды, да?

— Мне не было легко и весело! Я, наоборот, нервничала... Ещё скажите, что вприпрыжку ходила — нет! Я шла чуть ли не на цыпочках!

Так что не надо меня сравнивать с Арараги-куном!

Вообще, я не то чтобы *повстречала* вампиров.

Меня внезапно зажали с двух сторон: спереди и сзади... Я прогуливалась по аллее одна, вдруг почувствовала, что за спиной кто-то есть, обернулась и увидела светловолосую девушку, одетую в изящное тёмное платье, сливающееся с цветом ночи.

Её прекрасные золотистые волосы сразу же напомнили мне о Синобу-тян, но я бы, наверное, и без этого признака всё равно интуитивно почувствовала, что передо мной стоит сверхъестественное существо.

Глаза девушки светились красным.

Пожалуй, я бы даже описала их *налитыми кровью*.

— А Арагаги-кун сравнил бы с *префектурой Тиба*, — я прям вижу это, а ты?²

— Даже Арагаги-кун не сказал бы такую глупость. К тому же префектура Тиба, насколько я знаю, не ассоциируется ни с чем красным.

— А разве у тебя не течёт кровь из глаз, когда пишут «полуостров Босо», имея под этим в виду префектуру Тиба?³

— Ещё одна шутка, Осино-сан, и больше вы не услышите от меня ни слова! Я тут, вообще-то, о серьёзном говорю!

Так вот...

Инстинкт подсказывал, что надо бежать.

Я испугалась, поймав на себе взгляд кроваво-красных глаз; губы девушки исказились в тонкой улыбке, и всё лицо её приняло такое зловещее выражение, что по моему телу пробежала крупная дрожь; первобытный ужас гнал от неё прочь... Я собралась броситься со всех ног, забыв уже о своём задании, об отведённой роли, о том, что вампиры должны были похитить меня.

Всё-таки я не профессионал, так что где взяться хладнокровию?

Одно дело — знать, а другое — выполнять, — вот поэтому-то Оги-тян и относится ко мне с презрением, что знаний у меня — куча, а толку от них — ноль, если я не умею применять их на практике.

Тем не менее как только я развернулась спиной к девушке, чтобы побежать, — моими действиями всё ещё руководил слепой инстинкт, — то снова встала на том же месте как вкопанная, — судьба не дала отклониться от данной мне роли, хотя не могу сказать, что была рада тогда такому «подарку».

Меня взяли в клещи.

Перед самым носом, там, где ещё секунду назад никого не было и не должно было быть, откуда ни возьмись объявилось небывалое существо с такими же светлыми волосами, красными глазами...

И загородило мне путь, встав вплотную, раскинув ноги и руки в стороны.

Я словно бы упёрлась в стену.

За спиной стоял вампир в тёмном, как ночь, платье, а передо мной — в белоснежном смокинге, точно полная противоположность первого.

На его воротнике был завязан модный галстук-бабочка.

Юноша тоже вперил в меня налитые кровью глаза и расплылся в тонкой улыбке.

До того тонкой и напоминающей лезвие заточенного ножа, что об неё, казалось, можно порезаться.

— Понятненько. Значит, они разнополые близнецы? Что ж, это ещё бóльшая редкость.

— Ну, сейчас я ловлю себя на мысли, что вообще-то трудно сказать, кто из них был женщиной, а кто — мужчиной... Одного вампира я описываю «девушкой», другого — «юношей», — это просто для удобства, потому что не могу определить их пол. Они как будто вышли за рамки самого понятия пола, — настолько оба близнеца были одинаково красивы.

— Хм! А вот это далеко не редкость среди странностей. Тут уже нужно смотреть, какие роли они выбирают.

— Роли?

— Гендерные роли, то есть к чему они проявляют тенденцию: к фемининности или маскулинности... Оказывается, даже в обществе всего из двух индивидов можно наблюдать социальную организацию, — интересно!⁴

— Социальную организацию... Наверное, вы правы. В этой связи я бы сказала, что Синобу-тян совершенно не оправдывает социальные ожидания с учётом того, в какой роли она выступает⁵.

На вид близнецы были не старше меня: выглядели как обычные подростки, однако внешность вампиров ещё не говорит об их возрасте.

Гораздо важнее их внутренняя природа.

Гораздо опаснее их внутренняя природа.

Может, близнецы и не пятисот- или шестисотлетние вампиры, как Синобу-тян, но наверняка прожили больше, чем можно представить по их внешности.

Позже я убедилась, что это действительно так.

Вспомнив, как Драматург описывал близнецов, я предположила, что девушка в платье, сливающимся с цветом ночи, должно быть, Хайвэйст, а юноша в светящемся белизной смокинге — Лоурайз, но различать их по женской и мужской одежде, казалось, не самый толковый вариант.

Он и она встали симметрично друг другу относительно центра, в котором я оказалась замкнута, и словно слились в единое целое, в один живой организм.

Четыре красных глаза зажали меня с двух сторон.

Четыре красных глаза сдерживали меня с двух сторон.

Оба вампира-близнеца, и спереди, и сзади, пронзали меня взглядами и будто пригвоздили к одному месту так, что я не могла шелохнуться... и даже задрожать от страха.

Хотя трудно сказать, действительно ли они смотрели и сверкали глазами именно на меня.

Складывалось впечатление, что близнецы на самом деле глядят сквозь меня, видят только друг друга, как в зеркале.

Хайвэйст — Лоурайза.

Лоурайз — Хайвэйста.

И никого другого не замечают, хотя я стояла прямо между ними на линии взгляда.

Вот бы мне так и остаться тогда незамеченной, но рассчитывать на такую удачу не пришлось: спустя мгновение меня похитили.

Всё, как мы и планировали с Драматургом.

Вот только дальше весь план пошёл под откос.

Примечания

1. Выражение «дзёсюби» подчас непонятно даже самим японцам: сочетание иероглифов «верх» (дзё), «шея» (сю) и «хвост» (би) почему-то означает «успешный результат». На самом деле всё просто: «сюби» в переносном смысле есть «начало и конец» и заимствовано из «сюби ёку» (хороший исход), а «дзё» — не что иное, как сокращение от «дзёдзё», то есть «наилучший». В итоге «дзёсюби» говорит нам о том, что некое дело на всём своём протяжении шло без эксцессов и закончилось как нельзя лучше.

2. Выражение «налиться кровью» произносится как «тибасиру».

3. На территории полуострова Босо находится большая часть префектуры Тиба, но эти названия не могут быть взаимозаменяемыми: границы префектуры простираются дальше полуострова вглубь страны.

4. Социальные организации бывают разных видов, но самой распространённой является бинарная гендерная система, ключевой принцип которой — разделение людей на две группы: мужчин и женщин.

5. Речь идёт о стереотипах поведения, когда общество ожидает от индивида выполнения обязанностей своей социальной роли — родитель, ребёнок, учитель, ученик и т. п. С этой точки зрения, если Синобу выглядит как маленькая девочка, к примеру, 8 лет, то и вести себя она должна как маленькая девочка в таком возрасте.

Я понимала, что меня должны похитить, но не представляла, как это будет выглядеть.

Роль была простая: покорно отдаться в руки близнецам и не оказывать сопротивления, поскольку иначе, если бы я попыталась, план мог бы полностью провалиться.

Хотя так было бы даже лучше.

Два вампира водрузили меня на свои плечи: один придерживал ноги, другой — туловище, и так, словно рулон какого-нибудь ковра, несли всю дорогу, пока не дошли до средневекового замка, располагавшегося в самом центре несуществующего в реальности города-цитадели, после чего спустили в подземелье и бросили в темницу.

Они обошлись со мной не грубо, но чувствовалось, что ждать от них такой же любезности и в будущем явно не стоит. Только когда близнецы оставили меня в камере одну и ушли, я смогла облегченно вздохнуть — точно камень с души упал!

Да, раньше я уже сталкивалась со странностями, в том числе и с вампирами; меня даже как-то раз похитили, но я всё равно жутко волновалась с непривычки ко всей этой сверхъестественности.

Сердце бешено колотилось в груди и не унималось.

— Привыкать к такому, знаешь ли, опасно.

— И это говорите мне вы, Осино-сан, — профессионал и специалист в области странностей?

— Ага. Я вот не хочу ни к чему привыкать. Чем бы ни занимался, какую бы работу ни делал, как только чувствую, что начинаю привыкать, значит, пора удаляться от этих дел и искать что-то новое... Так-с, пока я не услышал ничего ужасного. Твоя часть прошла без проблем?

— Ну да. А всё потому, что я, уж простите за нескромность, идеально сыграла жертву похищения, свою роль наживки.

— Хах-ха-а! Да ты прямо Принцесса Пич!¹

— Принцессу Пич, между прочим, не всегда похищают. Далеко за примером ходить не надо, — вот хотя бы недавно игра вышла².

— Ну так что же, ошибку, выходит, допустил Драматург? Неужели он, закинув тебя как приманку, не смог потом за тобой уследить? Рыба заглотила наживку, но сорвалась с крючка, — такое иногда случается во время рыбалки... Если так оно всё и было, тогда стыд и позор на его голову. Тоже мне профессионал!

— Нет... Драматург ошибся не в этом. Позже он рассказал, что после того, как меня похитили, он успешно сел на хвост близнецам и неотступно следовал за ними, а затем и без проблем проник в порождённый их воображением город-цитадель, когда тот появился в реальности.

— Раз так, то Драматург должен был пробить барьер. А это уже, по идее, залог успеха всего предприятия: дальше за убийством дело не станет... Но он их так и не убил, — близнецы почувляли присутствие непрошеного гостя?

— Ну-у...

В целом, можно сказать и так. Драматург планировал напасть на близнецов исподтишка, но они опередили его и сами застали врасплох: взяли, как меня, в клещи, а потом тоже бросили в темницу.

Я сидела в каменной камере и успокаивала себя, приговаривая: «Ещё немного, и меня спасут. Ещё немного, и меня спасут», как вдруг дверь в решётке открывается, и я вижу — представьте моё удивление! — как Хайвэйст и Лоурайз вдвоём подтаскивают Драматурга и гневно бросают этого гигантского специалиста внутрь!

Признаться, я даже не представляла себе подобное развитие событий!

До того момента я была уверена, что профессионалы не допускают ошибок, даже не ставила эту аксиому под сомнение, и вот мне выпал шанс разубедиться в этом раз и навсегда. Я думала, *если уж дилетант* успешно сыграл свою роль, то всё остальное точно должно пройти как по маслу, но сейчас, правда, понимаю, что тем самым переложила слишком большую ответственность на одного Драматурга.

Обыкновенное задание превратилось в нечто сумбурное, как только ему пришлось подключить к делу непрофессионала.

Работать по стандартной схеме, как и во все прочие разы, было уже нельзя.

От Драматурга требовалось забыть все установленные порядки и начать импровизировать на ходу.

Так что в каком-то смысле это я виновата в его неудаче.

— Нет-нет, ты не должна брать ответственность на себя, Староста. Она полностью лежит на Драматурге ещё с того самого момента, как он включил обычного человека в свой план... Хотя не мне его осуждать: я тоже как-то раз подставил тебя под удар.

— Если вас гложет чувство вины, то можете вернуть свой долг тем, что просто, без лишних слов, поедете со мной и спасёте Арараги-куна!

— За тот раз я уже расплатился.

— Как это вы расплатились со мной без моего ведома?..

— Ну а теперь *без лишних слов* продолжу слушать твой рассказ.

— Издеваетесь, да?

— Бог с тобой! Расскажи лучше, почему Драматург не справился со своим заданием? Ведь ему, насколько я понял, всё благоволило, так что причин для провала не было... Да, близнецы имели преимущество как в числе, так и в знании местности, но они же всё-таки вампиры, а Драматург — профессионал своего дела. От него не требовалось ничего необычного — просто уничтожить вампиров, что как раз и входит в сферу деятельности специалиста по их истреблению. Если он решил пойти сразу на двоих, то предвидел шансы на успех, а значит, особо ничем не рисковал. Наверняка он ставил как минимум восемь к десяти на свою победу.

Спору нет.

Ведь для Драматурга, а для меня тем более, самая сложная часть плана — похищение и слежка — была уже выполнена.

И всё-таки думаю, что сравнивать операцию по ловле вампиров на живца, читай на меня, с рыбалкой не совсем правильно; лучше провести аналогию с охотой.

Эти два занятия схожи в том плане, что и во время рыбалки, и во время охотыловец отнимает жизни других живых существ, однако у охоты есть одно существенное отличие: нередколовец сам становится добычей, и Драматург, будучи специалистом, а не профаном вроде меня, должен был предусмотреть такое развитие событий.

Рассчитать, каков риск стать добычей тех, на кого пошёл охотиться.

Он должен был всё время оставаться начеку.

Идти в город-цитадель — значит залезть в тайное убежище близнецов, проникнуть на территорию врага, поэтому Драматург, естественно, оценил, какие опасности его могли поджидать... Тем не менее от неожиданностей никто не застрахован.

Но произошедшая с ним неожиданность была, на удивление, приятной.

Ситуация оказалась не настолько плохой, как мы себе представляли.

«Я всё пытался поудобнее подкараулить Хайвэйста и Лоурайза, чтобы было легче от них избавиться, и, пока искал место, вдруг обнаружил похищенных туристов; некоторые, как оказалось, ещё остались в живых, а я уже успел всех записать в покойники. Ну, я организовал им побег, и в тот момент, когда все закончили проходить через внешний барьер, близнецы напали на меня со спины», — равнодушнее прежнего объяснил Драматург причину своей неудачи... Нет, так категорично заявлять всё же не стоит: он смог спасти выживших, даже успел провести их через барьер, а то сразу неудача!

Хотя изначальный план после этого, конечно, разрушился.

Драматург, впрочем, считал, что поступил профессионально, ни о чём не сожалел и действий своих не стыдился. Из всех юных путешественников в живых остались только совсем дети, и он их спас, — это было правильное решение, поэтому я не собиралась обвинять его в чём-то.

Обвинять не собиралась, но никому из нас от этого легче не стало: спасения было не видать... Вот так мы с Драматургом и угодили в темницу средневекового замка.

Примечания

1. Персонаж видеоигр серии *Mario*, в большинстве из которых главный злодей похищает её в свой замок, после чего герой (в основном Марио) должен спасти её. Принцессу Пич похищали так часто, что её имя успело стать нарицательным для обозначения «девы в беде» — архетипичного образа молодой и привлекательной женщины, терзаемой ужасным злодеем и ожидающей героя, который её спасёт. По характеру Принцесса Пич добрая, великодушная, с хорошими манерами. Стоит отметить, что она никак не пытается предотвратить свои похищения и не сопротивляется им.

2. Действия большинства рассказов в «Цикле историй» происходят где-то в 2006-2007 гг., о чём можно предположить по нескольким признакам: в *Kabukimonogatari*, когда Коёми путешествует на 11 лет в прошлое, он подмечает, что банкноты отличаются от привычных ему, — речь идёт о банкнотах серии D, которые начали массово изымать из обращения в 2004 году и закончили в 2007; дата Дня матери в *Bakemonogatari* (14 мая выпадает на воскресенье как раз в 2006 г., что, в принципе, объясняет удивление Коёми банкнотам серии D), и вот теперь Цубаса говорит о «недавней игре», где Принцессу Пич не похищают. Она имеет в виду *Super Princess Peach*, где по сюжету похитили уже Марио с его друзьями, а Принцесса Пич должна всех спасти. Эта игра вышла в октябре 2005 г.

«Сбежать отсюда невозможно. Брось эту затею», — мрачно посоветовал Драматург, чтобы я прекратила рыскать по тюремной камере. Судя по всему, этот специалист, с высоты своего опыта и профессиональных знаний, видел мои действия крайне неразумными, а меня саму — донельзя упрямой. «Дети должны доставить поручение вместо меня. Как только они выйдут на контакт с организацией, те направят на задание нового воина. Хайвэйста и Лоурайза уничтожат в любом случае, — это лишь вопрос времени. Моя работа выполнена, хоть и не в том виде, как я себе представлял. Но больше уже ничего нельзя поделать». Я не знала, как на это реагировать.

Драматург, сдаётся мне, слишком быстро пасует перед трудностями.

А может, в тот момент на него снизошло какое-то духовное просветление?

Хотелось бы только, чтоб он учёл и мои интересы, прежде чем отдавать судьбу близнецов в руки детей: я-то, в отличие от него, своей цели тогда ещё не достигла.

— Вы с ним по-разному смотрите на одни и те же вещи: Драматург, пожалуй... привык глядеть далеко наперёд и там видеть пользу от своих действий. У него радикальный подход: он не ищет сиюминутной выгоды. Драматург, верно, посчитал, что всё равно останется в плюсе, если спасёт пострадавших ценой твоей жизни, Староста: их-то много, а ты одна.

— Это всё потому, что он профи?

— Да, как раз поэтому. Я бы сказал, что Драматург, во время битвы с Арараги-куном, мужественно сдался с тем же расчётом.

...Прервав молчание, я возразила: «Но, если сдаться, нас ведь попросту съедят — как же вы не понимаете?» — «Нас всё равно съедят, даже если мы не сдадимся. Оставь бесплодные попытки, — так будет меньше поводов для сожалений, — поделился, очевидно, воинской мудростью Драматург, с которой мне было трудно согласиться. — Я не сдержал данного тебе обещания, но ты не унывай: раб Хартандерблейд и сам сможет преодолеть любые трудности, какие бы только ни встали у него на пути, — за это я ручаюсь». Специалист в очередной раз оставил меня без слов.

Казалось, Драматург до того уверен в непогрешимости своих профессиональных знаний и навыков, настолько не подвержен эмоциям, что со своим «особым взглядом на вещи» склонен преодолевать вообще любые преграды.

Это, вне всяких сомнений, положительная черта характера, но в той ситуации я не видела в ней ничего хорошего.

Споткнувшись об равнодушие Драматурга, я лишь вздохнула с сожалением, но продолжила стоять на своём: «Я не сдамся! Я не имею права погибнуть в этом воображаемом мире! Да, мои усилия могут оказаться напрасными, и Арараги-кун в конечном счёте спасёт себя сам, но я всё равно хочу быть причастной к его спасению...» — «Так ты жаждешь лавры заиметь? За помощь своему другу?» — не на шутку удивился Драматург моей непомерной

настойчивости, потеряв на мгновение дар речи... Ну, не буду отрицать, что специалист оказался прав.

Действительно, я очень хотела заполучить лавры победителя.

Но это была только половина правды.

Когда я представила, как сильно Арараги-кун и Сэндзёгахара-сан расстроятся, если узнают, что я умерла за границей, попав на обеденный стол к вампирам, то поняла, что должна всеми силами бороться за свою жизнь.

Что бы подумали обо мне друзья, если бы я даже не попыталась, пусть и тщетно, сопротивляться? Мне хотелось избежать их порицания любой ценой.

— Потрясающая сила воли! Я бы уже давно сдался, окажись в плену.

— Кого вы пытаетесь обмануть, Осино-сан? На моём месте вы бы пустились в переговоры с вампирами-близнецами и испробовали все свои уловки, лишь бы выжить, скажете нет?

— Хах-ха-а! Уж не думала ли ты сделать то же самое, раз так хорошо меня понимаешь? Однако дальше мыслей дело не пошло: выходит, случилось нечто неожиданное, чего нельзя было предвидеть.

— ...

«А, кстати, — прервал тишину Драматург, — ты ещё можешь стать рабой близнецов, если судьба будет благосклонна». Он как будто пытался найти для меня слова утешения... но я бы назвала предложенное им развитие событий скорее насмешкой судьбы, а не благосклонностью. «Мне же, — продолжал он, — на это надежды нет. Меня станут пытаться, чтобы достать информацию об организации, — я нужен им только для этого. Но ничего страшного: между коренными зубами, как раз на случай пыток, у меня вставлен яд для самоликвидации». — «Драматург... Неужели нельзя помечтать о чём-то хорошем?» — выпалила я, будучи уже не в силах терпеть его настрой.

Некрасиво было просить Драматурга заниматься самовнушением: он давно взрослый и к тому же специалист, как ни крути, но я так устала вариться вместе с ним в удушающей атмосфере мехлюдии, заполонившей всю камеру до краёв, что это единственная блестящая мысль, которая осенила мою голову.

К тому моменту я уже плохо соображала.

— Хах-ха-а! Впервые слышу, чтобы слово «мехлюдия» употребили по делу! Раньше я думал, что такое сочетание можно услышать только в чём-то вроде «покупая мех, люди не думают, сколько крови лежит на этой вещи».

— Ну правда, по-другому про ту атмосферу и не скажешь.

«Помечтать о хорошем?» — переспросил Драматург, чеканя слоги, будто никогда раньше не слышал эти слова, и поднял на меня глаза. «Да, — отвечала я, — вот что мы должны были

сделать с самого начала, но упустили, вам так не кажется? Если бы мы только сразу *предположили, что можем найти выживших*, и разрабатывали операцию по ловле на живца, исходя из этого, то всё наверняка обернулось бы иначе, ну не правда ли?» Драматург погрузился в раздумье и молчал. «Если действовать, всё время предполагая худший вариант, — не унималась я, — то можно и в самом деле его избежать, однако добиться лучшего варианта с таким подходом точно нельзя, согласитесь? Хотите ухватиться за шанс — сначала вообразите, что он у вас есть». Человек никогда не станет счастливым, если не может нарисовать себя таковым в своих мыслях... Звучит как самообман, но я верю в это всем сердцем. «Представьте, что всё будет хорошо. Что случится чудо и кто-то придёт вас спасти... — решила подкрепить я свои слова примером. — Потому что иначе, если вы даже не будете рассматривать такую возможность, а кто-то действительно придёт за вами, вы не поверите своей удаче и побоитесь схватиться за протянутую руку помощи, не так ли? Или, скажете, ошибаюсь?»

Я надела на Драматурга, если честно, больше потому, что очень сильно разозлилась на его хандру, а не чтобы показать, во что верю сама, или доказать ложность убеждений специалиста, тем не менее он воспринял мои слова по-своему: «Ясно. Что же, если ты так уверена, тогда, пожалуй, отдам тебе это», — наконец произнёс Драматург и непринуждённо вытащил из кармана, словно мелочь, которую постоянно там держит для размена... шип шиповника!

«Пошла!» — «Алшоп!» — одновременно приказали мне близнецы, выводя из камеры... Подержав нас какое-то время в подземелье, они наконец спустились туда сами, взяли меня под руки и потащили прочь, оставив Драматурга сидеть в темнице одного. Пожалуй, я тогда впервые услышала голоса Хайвэйста и Лоурайза.

Хотя нет: близнецы перебрасывались между собой какими-то репликами, когда тащили меня в замок, но вот ко мне, до того раза, ещё не обращались. Сперва я думала, они не говорят со мной потому, что никто в здравом уме не станет общаться со своей едой, но по-видимому, ошиблась.

Ну, не важно; меня, в общем, вывели из камеры.

Она, насколько я рассудила по обстановке, не была предназначена для длительного пребывания, отчего в свою очередь в голове рисовались самые ужасные картины неминуемо приближающегося будущего, — сто раз успеешь проклясть за это свою наблюдательность!

— Вампиры решили перекусить тобой посреди ночи, Староста? Для этого потащили вверх?

— Вообще-то по времени уже занималась заря, однако они волокли меня и не на завтрак.

— ?

Признаться...

Я хоть и оправдывала своё участие помощью Арараги-куну, но постоянно колебалась: стоило ли подыгрывать Драматургу?

Подыгрывать в рыбалке, охоте — словом, в его работе?

Как я уже говорила, я против уничтожения вампиров просто потому, что они вампиры. Драматург старался представить убийство Хайвэйста и Лоурайза правым делом — близнецы ведь похищают людей! — но этого основания всё равно было недостаточно, чтобы развеять мой скептицизм относительно такого «справедливого наказания».

От хищного зверя, однажды попробовавшего человечину, следует избавиться.

Его надлежит умертвить.

Иной послушает эти слова — и, не раздумывая, даст им себя убедить, — такие жестокие принципы и взгляды едва ли не безраздельно царят в нашем обществе; многие живут с этими убеждениями, упрекая неразумных зверей в человекоубийстве, в то время как сами каждый день питаются мясом животных и ещё смеют читать мораль! Я же «общепринятые» взгляды не разделяю и считаю — хотя, может, не мне об этом говорить, поскольку я человек с кучей знаний, но без жизненного опыта, — что так называемая пищевая цепь предопределена самой природой и ничто живое не может этому противиться.

Люди и так пожирают других существ, поэтому если другое существо съест человека, то останется лишь развести руками, — такова жизнь, и я нахожу эту логику обоснованной.

Сэндзёгахара-сан однажды безжалостно раскритиковала моё отношение к еде.

Припомнив тогда её слова, я решила, что нельзя категорично клеймить близнецов преступниками: в глазах людей похищение туристов, безусловно, непростительное злодеяние, но, с точки зрения вампиров, всё в пределах дозволенного.

Я не могла прийти к однозначному выводу: правильно ли жертвовать вампирами-близнецами, чтобы спасти Арараги-куна?

Сомнения не отпускали меня.

— Судьба тех вампиров была предрешена, как только специалисты сочли их представляющими угрозу; близнецов всё равно ждал один исход, стала бы ты сотрудничать с Драматургом или нет — какой смысл забивать этим голову, Староста?

— Да, конечно. Вы абсолютно правы. Я выдумала конфликт на пустом месте. Для меня нет никого важнее Арараги-куна — утверждать другое бессмысленно.

— Ну, теперь яснее ясного, ради чего ты участвовала в той ловле на живца.

— Ради не чего, а кого. В любом случае...

Я зря колебалась.

Если вампирам, чтобы выжить, необходимо есть, снабжать свои организмы питательными веществами, — если им, иными словами, нужно то же самое, что и нам, тогда человеку, вероятно, остаётся лишь смириться со своей участью быть съеденным, подчиниться неотвратимости законов природы.

Одно время я и сама была готова отдаться Арараги-куну на съедение, так что говорю об этом не голословно. Возможно, я бы смирилась и с тем, что умру, став пищей вампиров-близнецов...

Если бы только они похищали людей для еды.

— ...А они похищали, не чтобы поесть?

— Нет. Чтобы... поиграть.

— Поиграть?

— Поиграть.

Меня отвели не в обеденный зал, а в большое фойе, по убранству напоминающее комнату отдыха; затем, вместо того чтобы съесть, пока я была в полном замешательстве и ничего не сообщала, положили навзничь на бильярдный стол и намертво привязали к нему.

Сами близнецы тем временем симметрично встали по разные стороны стола лицом друг к другу, — я оказалась между ними... Если бы меня привязали к обеденному столу, то я бы и не гадала, что будет дальше, — это очевидно, но чего они хотели, положив меня на бильярд, — я тогда даже не подозревала.

Хотя, наверное, неправильно называть его бильярдом: лузы, куда обычно забивают шары, у того стола отсутствовали... Как бы то ни было, все неясности исчезли, когда вампиры-близнецы сподобились объяснить, что они собираются делать.

Как будут играть со мной, привязанной к столу...

— Знаете игру «Повали столб»? Так вот, они хотели поиграть в нечто вроде неё с моей помощью.

— «Повали столб»?.. Эта которую проводят во время спортивных фестивалей?¹

— Нет-нет, я про другую версию: дети играют в неё на песчаных пляжах или в песочницах. Сначала строится горка из песка, строго по центру в неё вертикально втыкается палка... Потом каждый по очереди, рукой или совком, выгребаёт песок из горки, и тот, на чьём ходу упадёт палка, — проиграл.

— А-а, ну об этой я тоже слышал. Думаю, в детстве Арараги-кун часто любил играть в неё один.

— Вряд ли он играл один...

— По-моему, игру, где падение столба приравнивается к поражению, лучше было бы назвать «Не повали столб». Ну и как же близнецы собирались играть в это на бильярде? Ты ещё обмолвилась, что «с твоей помощью»...

— Ну да...

Правила их игры были, по сути, такими же, как у оригинала.

Будет проще понять, если представить меня горой песка, а мою жизнь — палкой: обе стороны по очереди отрывают куски от моего тела, и та, на чьём ходу я умру, — проиграла, — так объяснили мне сами близнецы.

Они постарались разжевать все подробности не только на немецком, но и на английском языке, словно игра не заладится, если я не усвою, что мне отводится роль песчаной горки.

Люди служили им не едой.

А развлечением.

Как человек издевается над слабой букашкой, так и близнецы играли с людьми.

Но похищение людей ради такой забавы я ни за что не была готова принять.

Никто из нас не предвидел, что среди утащенных туристов окажутся выжившие, и это несоответствие с ожиданиями выбило Драматурга из колеи, хотя после объяснений правил игры стало понятно, почему мы всё-таки кого-то нашли. В живых остались только совсем дети по той простой причине, что вкратце тела у них маленькие, мяса мало: одна кожа да кости, и умирают они слишком быстро.

Нормально поиграть не получится.

То есть... им просто повезло выжить.

С другой стороны, близнецы, из туристов всех возрастов, выбирали в большинстве своём именно подростков потому, что молодые организмы очень выносливые: их дольше убивать — значит, можно и дольше поиграть.

Вот и весь секрет.

Вот почему и меня похитили.

Я слушала близнецов молча.

Не могла ничего сказать: задыхалась от неистовой злости.

В тот момент во мне кипела до того яростная буря, что прежняя я ни за что бы не справилась с ней и дала эмоциям перелиться через край.

Как жаль...

Что всю грязную работу пришлось свалить *на неё*.

Мне было очень совестно за то, что я в итоге сделала; раскаяние даже затмило потом остальные чувства... И теперь я буду нести этот крест на себе.

Смиренно и ответственно.

...Первой решила ходить Хайвэйст; опередив Лоурайза, она сделала движение, готовясь оторвать часть моего тела: девушка бесцеремонно схватила рукой мою правую грудь.

«Нет! Пусти! — взбесилась я. — Только Арараги-кун может их трогать!» — и щёлкнула зубами.

Примечания

1. В Японии она называется «*Бо-таоси*», — её часто проводят на различных физкультурных соревнованиях. В игре участвуют две команды, каждая поровну разделена на нападающих и защитников. Задача нападающих — повалить столб противника, а задача защитников — не дать противнику повалить столб. Побеждает та команда, которой первой удастся наклонить столб противника на угол 30 градусов.

«Для меня шип шиповника однозначно ядовит, — это средство самоликвидации, — пояснял Драматург ещё в камере, — но на тебе его действие может сказаться иначе. Вставь шип, как я, между коренными зубами и используй его, если так и не сможешь смириться со своей участью, когда вампиры решат тебя съесть, — если так и не бросишь „мечтать о хорошем“». Я онемела на время от удивления, а потом спросила: «И что будет, если я надавлю зубами и уколюсь?» — «Даже не представляю, — отвечал он. — Не знаю, что именно, но что-то точно произойдёт, — таковы свойства этого предмета. Я собрался уколоть себя, когда буду готов умереть, а ты можешь сделать это, когда будешь хвататься за жизнь», — посоветовал Драматург, после чего мы оба погрузились в молчание.

Я, честно, не думала, что придётся на самом деле использовать шип, но судя по тому, что всё-таки вставила его между коренных зубов, как говорил Драматург, то где-то на подсознательном уровне, должно быть, представляла себе такую перспективу.

Как символично, что всё это происходило в Германии... Волей-неволей вспомнилась сказка «Шиповничек»¹.

Сказка о принцессе, которая проспала в старинном замке сотню лет.

Вы не подумайте, я не равняла себя с ней — куда мне до королевской особы? — и, лёжа на том бильярдном столе вместо положенной постели, даже не смела надеяться, что вдруг явится принц и поцелует меня, правда, но просто я тоже, как и принцесса, пробудилась.

— Пробудилась? Имеешь в виду спавшие внутри тебя силы? Круто! Я будто слушаю историю из какой-нибудь сёнэн-манги!

— И что же здесь хорошего?... Знаете, дальше случилось такое, что не вызывает в душе никакой радости. Конец истории оказался реалистичным, мрачным и закономерным — всё, как любит Драматург...

Мне в первую очередь пришла ассоциация со сказкой «Шиповничек», но для Драматурга тот шип, несомненно, был прежде всего орудием истребления странностей, которое он пускал в ход, как специалист.

Растение шиповника, также как и кресты, святая вода, чеснок или серебряные пули, изгоняет нечисть. Драматург ведь тоже вампир, потому и мог использовать шип для самоликвидации.

Вампир, охотящийся на вампиров, специалист-брatоубийца, — вот же кем он был на самом деле.

— Разве? Что-то не припоминаю...

— Только не надо притворяться, что вы забыли, Осино-сан! А даже если и так, то уж по куче, по тьме-тьмущей предпосылок можно было догадаться! Не потому ли Драматург смог выследить Арааги-куна, что сам был вампиром?

— В таком случае и тебе не стоило удивляться уничтожению близнецов, как он сказал, ради них самих, а не ради людей, и, наоборот, принять его слова за данность.

Ну так вот...

Как я уже говорила, для Драматурга шип шиповника был *орудием истребления вампиров*, но в то же время он мог послужить ему и *орудием самоубийства*. По сути, шип, вставленный между зубов, ничем не отличался от капсулы с цианистым калием, какую шпионы прятали в коронках.

Вы скажете, что шиповник, как средство изгнания демонов, действует только против вампиров, а на меня — человека, по временам наживку и подчас игрушку — это растение не окажет никакого эффекта, — и ошибётесь!

Прогодаете!

— Прогодаю?

— Да... Вы же не станете и здесь притворяться, что забыли? Не вы ли, Осино-сан, спасли меня при помощи вампирской крови, когда я умирала, лёжа с распоротой половиной живота?

Вампирская кровь.

Только благодаря ей я избежала смерти, которая казалась неминуемой после того, как мне целиком вырвало бок туловища...

По крайней мере, так мне рассказывали.

Сама я, к сожалению, тот момент не помню.

— Нет, я тебя не спасал. Ты спасла себя сама, юная леди... Хотя по чести сказать, это заслуга Арараги-куна.

Вы правы.

Та вампирская кровь принадлежала Арараги-куну — в ту пору он был полноценным вампиром, — следовательно точно также она принадлежала и Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд.

Железнокровной, теплокровной, хладнокровной вампирше.

Кровь Королевы Странностей стала неотъемлемой частью меня самой.

Смешалась с моей кровью, наплатала мою плоть.

Осталась в костях, разлилась по внутренностям.

Если сильно захотеть — можно притянуть за уши, что на Золотой неделе после весенних каникул я привлекла к себе ту странность, Саваринэко, именно из-за примеси инородного

компонента в своей крови, но на деле чужая кровь находилась тогда ещё в латентном состоянии.

Она, что называется, «спала» внутри меня.

Так что же произойдёт, если шип шиповника «разбудит» такую кровь и плоть, кости и внутренности?

Не знаю, что именно, но что-то точно произойдёт.

Шиповник обладает свойством изгонять демонов, поэтому если применить растение в любом виде против обычного вампира — тот, надо полагать, просто получит какие-то повреждения. А в некоторых случаях укол шипа, по-видимому, используется и как верное средство самоубийства.

Но по моим венам текла кровь не чья-то там, а самой Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд: обычные вампирские слабости ей не страшны: она редчайшая из самых редких особей.

Драматург, говорил, не знает, что со мной произойдёт, — его слова можно было принимать так, как есть, за чистую монету: он не врал... Удивительно вообще, что меня ещё не разорвало на части, после того как спящая внутри кровь Убийцы Странностей пробудилась.

— Вот тут соглашусь. Ты уже не просто рисковала, а играла со смертью. Опять поставила свою жизнь на кон, — прямо как раньше, а, Староста?

— Да, и мне очень совестно, что я бросилась в пучину гнева и отдалась этому чувству беспamięтно, но что было делать — меня чуть не разорвали на части на том игровом столе.

— Ну так что же с тобой случилось-то?

Без утайки скажу: не знаю.

Позже, когда всё уже закончилось, Драматург дал свою экспертную оценку произошедшему и заключил, что я испытала мгновенный и колоссальный прилив энергии, отчего тело моё временно обрело силу вампира, — ответная реакция на раздражение шипом шиповника. Должно быть, мои волосы тогда окрасились не в белый, а в золотистый цвет, глаза напоминали не кошачьи, а тоже приобрели цвет золота, и вместо тех же кошачьих ушек у меня отросли клыки.

Не хотела бы я видеть себя в таком образе; к счастью, вампиры не отражаются в зеркале.

Так или иначе, я даже не заметила, как сорвала с себя путы, словно и не была привязана к игровому столу, и как повалила вампиров-близнецов на пол... В тот момент я, наверное, больше всех не понимала, что вообще произошло.

— Пф-ф! Так быстро, что на одном фрейме уместилось бы, — ну точно сёнэн-манга! А чего ещё можно было ожидать? Пускай близнецы хоть сто раз вампиры и тоже редкого вида, а Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд ни с кем не сравнится!

— Но один человек, если не ошибаюсь, всё-таки сумел вытащить сердце у этой несравненной вампирши...

— Ого! И как его зовут? Нет, ну бывают же люди... Смотрю вот на тебя и не понимаю: ты рискнула всем — и выиграла, вышла сухой из воды, — чего же у тебя такой кислый вид, Староста?

— ...

— Случился ещё какой-то резкий поворот событий?

Да нет.

Разница в силе между нами была до того велика, что те двое не рискнули обострять: никаких резких поворотов, никаких контратак.

Вампиры-близнецы, Хайвэйст и Лоурайз, выпучились, будто увидели перед собой ужасное чудовище. Они уставились на меня своими налитыми кровью глазами... Да, впервые они глазели на меня, а не друг на друга. «Кто ты?» — «Ыт отк?» — синхронно вопрошали они. «Специалист?» — «Тсилаицепс?» — «Или вампир?» — «Рипмав или?» — «Нет, — отвечала я, — обычная старшеклассница из Японии».

«И, приехав сюда, я всего лишь надеялась помочь парню, в которого влюблена, и моей близкой подруге обрести счастье...»

Немая сцена.

Мой честный ответ, по всей вероятности, поставил близнецов в тупик, и через какое-то мгновение они, даже не перекинувшись между собой словами, не обменявшись взглядами...

Поочерёдно вонзили свои клыки друг в друга!

Я и помешать-то им не успела.

Каждый из них кусал другого, пил его кровь и ел его плоть, — мне оставалось лишь безмолвно смотреть на то, с каким остервенением один близнец уничтожал свою точную копию и наоборот... Да.

Стоило догадаться ещё раньше.

Ведь я знала об этом наперёд и должна была понять, что к чему.

Девять из десяти вампиров, говорят, заканчивают суицидом.

Они устают от скуки, от вечной жизни — и лишают себя её.

Именно по этой причине даже Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд, легендарная вампирша, Убийца Странностей, обладавшая немислимыми, ни с кем не сравнимыми силами, жаждала смерти.

Для того она и прибыла тогда в Японию: чтобы покончить с собой.

Скука, видно, убивает не только человека, но и демона.

— ...Считается, что ни одно животное, кроме людей, не отнимает жизни у других, имея при этом какую-то иную цель, отличную от добычи пропитания, а раз так, то мы, получается, опять-таки единственные живые существа, которым ведомо такое понятие, как развлечение. Человек ищет забавы, чтобы развеять скуку... а значит, если посмотреть на это с другой стороны, мы не можем жить без развлечений. Вот почему Хайвэйст с Лоурайзом, пристрастившись к человеческой культуре и ознакомившись с таким понятием, как досуг, недолго думая, выбрали собственную смерть, когда поняли, что их развлечению настал конец.

Запретить им играть — всё равно что запретить жить.

Естественно, я не могла из-за этого пойти близнецам навстречу: добровольно стать их игрушкой, позволить и дальше похищать туристов для новых забав.

Но если и называть тех двух вампиров преступниками, то на меня следует повесить такое же клеймо: я довела близнецов до того, что им пришлось съесть друг друга, стереть самих себя с лица земли.

Заставив провинившихся вампиров подавить свои страсти...

Я показала себя жестокой и жадной эгоисткой.

Примечания

1. Это переделанная братьями Гримм сказка «Спящая красавица» на основе версии Шарля Перро. По сюжету принцесса укалывает палец о веретено и, как и было предсказано обиженной колдуньей, впадает в вековой сон. За время её сна весь замок обрастает колючим шиповником, заросли которого растягиваются и вширь, и ввысь, — так, что скрывают из вида весь замок. По стране начинает ходить молва о прекрасной принцессе, которая спит в замке, окружённом непроходимым шиповником, за что её и прозывают Шиповничком. Проходит сто лет, прежде чем объявляется принц, у которого выходит добаться до принцессы через заросли и от поцелуя которого она просыпается. Впервые версия братьев Гримм была издана в Германии в 1812 г. в составе сборника «Детских и семейных сказок», после чего немецкий народ стал называть замок Сабабург, руины которого располагались в огромном густом лесу, замком Спящей красавицы.

— ...И на этом, пожалуй, всё. В рассказе нет никакой соли, но вам, надеюсь, и так понравилось? Спасибо, что дослушали до конца, — поблагодарила я Осино-сана.

— Занятно, — ответил он на мой вопрос с улыбкой, но я чувствовала, что специалист реально получил удовольствие, а не смеётся надо мной, и это хорошо: главное — умаслить его: сейчас нет ничего важнее. — Арараги-кун очень эмоционально описывает все свои переживания, но его истории не вызывают никакого движения мысли, а твоя, богатая выводами и разными смыслами — или даже сарказмом, — наоборот, заставляет думать. В любом случае я, как специалист, нашёл, чему поучиться.

— Что вы такое говорите?! Едва ли из этого можно что-то почерпнуть, разве только то, что я невежда! — покраснела я, но пылать стыдом было некогда. — Н-ну так что, Осино-сан? Я рассказала вам свою историю, теперь можем вместе возвращаться в Япо...

— Не спеши, — перебил он, — ведь ты ещё не всё мне рассказала, не так ли, а, Староста? — заметил Осино-сан, вынул из нагрудного кармана сигарету, взял её губами, но прикуривать не стал и продолжил: — Шип шиповника дал толчок, спровоцировал нечто вроде острой реакции: временно пробудил скрытые в тебе силы Хартандерблейд, так получается? Но я не чувствую, чтоб внутри тебя всё ещё покоилось нечто чужеродное. Сейчас ты на сто процентов сама своя.

— ...

— Признавайся, ты как-то использовала без остатка всю спавшую в тебе кровь, этот «спавший актив», используемый только по нужде, прежде чем добралась до меня, да? Значит, помимо опыта с вампирами-близнецами было что-то ещё?

«Я бы очень хотел послушать дальше, благо время пока позволяет», — цинично заявил Осин-сан, понуждая меня продолжать рассказ.

— А, ну-у... После всего Драматург, как и обещал, подал запрос членам организации, и по полученной от них наводке я отправилась в...

Этой беседе... и этой истории не было видно конца.

Казалось, что мой путь, на котором я отдавала все свои силы ради Арараги-куна, ещё очень и очень далёк от завершения.